
ИЗЪ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ К. Θ. РЫЛѢВА.

Въ настоящее время, когда насъ отдѣляетъ отъ 20-хъ годовъ болѣе полувѣка, когда изслѣдователи отечественной исторіи все чаще и чаще начинаютъ обращаться къ изученію Александровской эпохи, столь знаменательной въ судьбахъ нашего общественнаго развитія, когда и собранія сочиненій Рылѣва имѣли у насъ уже два изданія, — въ настоящее время возможно было бы приступить къ разработкѣ біографіи Рылѣва, какъ поэта, и сдѣлать критическую оцѣнку его литературной дѣятельности; но до сихъ поръ, можно сказать, не сдѣлано въ этомъ отношеніи почти ничего, — главнымъ образомъ по скудости біографическихъ матеріаловъ, безъ которыхъ затруднительна и литературная оцѣнка.

Благодаря обязательной любезности Е. А. Шахматовой, у меня во временномъ пользованіи находится значительное собраніе различныхъ бумагъ, большею частью Александровскаго времени, и между ними довольно много черновыхъ рукописей Рылѣва, изъ которыхъ можно извлечь нѣсколько совершенно новыхъ чертъ для дополненія общихъ, уже имѣющихся свѣденій объ его жизни и не мало доселѣ неизвѣстныхъ его стихотворныхъ набросковъ; все это представляетъ значительный интересъ для изслѣдователей исторіи нашей литературы и жизни въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Евгенія Александровна Шахматова, разбирая въ своемъ имѣ-

ни Губаревкѣ (Саратовск. уѣзда), бібліотеку своего покойнаго отца, Александра Алексѣевича, нашла въ ней между книгами связку бумагъ, относящихся по большей части къ первой четверти XIX-го вѣка и состоящихъ главнымъ образомъ изъ переписки лицъ (болѣе 100 писемъ) литературнаго круга двадцатыхъ годовъ, а также изъ разныхъ стихотвореній. Въ общемъ все собраніе весьма интересно и представляетъ не мало данныхъ для исторіи нашей литературы и нашего общества Александровскаго времени; но на этотъ разъ я имѣю въ виду только одну часть этого собранія, именно, черновыя бумаги Рылѣва. Первоначально это собраніе принадлежало Ан. Ан. Ивановскому, который и былъ его первымъ составителемъ и отъ котораго, вѣроятно, оно было получено А. А. Шахматовымъ. Этимъ объясняется находеніе, вмѣстѣ съ бумагами Рылѣва, также и нѣкоторыхъ другихъ документовъ: Ан. Ан. Ивановскій служилъ при ген. Бенкендорфѣ и, благодаря своему служебному положенію и благосклонному отношенію къ нему начальника, имѣлъ возможность достать много подлинныхъ бумагъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Рылѣва.

Начну съ писемъ и прозаическихъ набросковъ, и затѣмъ перейду къ поэзіи Рылѣва. Но прежде всего, однако, я считаю нужнымъ остановиться на спорномъ вопросѣ о годѣ рожденія Рылѣва. Годъ этотъ съ точностью еще не опредѣленъ: въ спискахъ 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ учился Рылѣвъ, противъ его имени отмѣчено: „принять 23-го января 1801 года, имѣя 12 лѣтъ отъ роду“¹⁾; изъ этой оффиціальной помѣтки слѣдуетъ, что Рылѣвъ родился въ 1789 году. Затѣмъ есть показаніе Александра Бестужева, сообщающаго, что Рылѣвъ родился въ 1795²⁾; это показаніе особенно важно потому, что А. Бестужевъ былъ весьма близокъ къ Рылѣву; притомъ оно сдѣлано въ „Полярной Звѣздѣ“, альманахѣ, который издавался вмѣстѣ Бестужевымъ и Рылѣвымъ; такимъ образомъ это — почти свидѣтельство самого Рылѣва. Далѣе, въ оффиціальномъ отчетѣ по слѣдствию о дѣлѣ 14-го декабря значитса, вѣроятно на основаніи показанія самого Рылѣва, что ему въ 1825 году было 29 лѣтъ; въ такомъ случаѣ его рожденіе должно быть относимо къ 1796 году³⁾. На-

¹⁾ Сообщение г. Д. Кропотова. „Русск. Старина“, 1872 г., № 11, стр. 60.—604.

²⁾ „Полярная Звѣзда“, 1823 г. Статья А. Бестужева: „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“, стр. 29.

³⁾ Списокъ преданныхъ суду по дѣлу 14-го декабря, опубликованный при манифестѣ 1-го іюня 1826 г.,—у Богдановича (Исторія царствованія Александра I), т. VI, приложенія, стр. 62; „Русск. Старина“, 1872 г., № 11, 604.

конецъ, сохранилось еще семейное преданіе, по которому Рыльевъ родился въ 1797 году ¹⁾.

Несмотря на оффиціальныи и отчасти документальныи характеръ перваго изъ показаній, нами приведенныхъ (запись въ корпусѣ, вѣроятно, должна была дѣлаться по метрическому свидѣтельству), — показаніе это представляется маловѣроятнымъ и заставляетъ предполагать ошибку или въ записи, или въ ея чтеніи, какъ это справедливо уже замѣтилъ П. А. Ефремовъ ²⁾, указавшій, что еслибы Рыльевъ родился въ 1789 году, онъ не могъ бы въ одномъ изъ писемъ 1823 г. (будучи 36 лѣтъ) категорически заявлять: „я *молодъ*“ ... ³⁾. Или какъ бы могъ Бестужевъ на 6 лѣтъ ошибиться въ указаніи года рожденія Рыльева? Какъ бы могъ Рыльевъ показывать комитету, что ему въ 1825 г. было всего 29 лѣтъ? Ошибка на годъ тутъ или тамъ возможна, но ошибку на шесть, на семь лѣтъ допустить очень трудно. Г. Д. Кропотовъ принимаетъ, однако, что Рыльевъ родился въ 1789 г., такъ какъ онъ сомнѣвается, чтобы мальчика могли отдать въ корпусъ въ 1801 г.: мать Рыльева, одна изъ добрейшихъ женщинъ, не могла рѣшиться на разлуку съ единственнымъ сыномъ, когда ему было всего три-четыре года отъ роду ⁴⁾. На это сомнѣніе можно отвѣтить, какъ выше замѣчено, сомнѣніемъ въ вѣрности корпусной записи или въ вѣрности ея чтенія: не въ 1807 ли году (вмѣсто 1801) былъ отданъ Рыльевъ въ корпусъ, какъ это предположилъ г. Ефремовъ? Но если даже принять, что Рыльевъ поступилъ въ корпусъ (гдѣ было и малолѣтнее отдѣленіе) въ 1801 г., то это можно легко себѣ объяснить тѣмъ, что рассказано самимъ же г. Д. Кропотовымъ ⁵⁾: отецъ Рыльева, Ѳедоръ Андреевичъ, отличался жестокимъ характеромъ, постоянно билъ своего сына, а жену нерѣдко запиралъ даже въ погребъ; при подобныхъ условіяхъ самая добрая и любящая мать, именно по своей любви къ сыну, конечно, стремилась бы избавить сына отъ истязаній и удалить отъ всей вредной обстановки, даже цѣною разлуки съ нимъ. Къ этимъ соображеніямъ надо присоединить еще одно, которое имѣетъ притомъ и гораздо большее значеніе: извѣстно, что война всегда вызываетъ значительное напряженіе народныхъ силъ; для удовлетворенія ея потребностей прибѣгаютъ къ экстреннымъ средствамъ,

¹⁾ Соч. Рыльева, стр. VIII (ссылки дѣлаются по второму изданію 1875 г.).

²⁾ Соч. Рыльева, стр. IX.

³⁾ Письмо къ Булгарину, отъ 7-го сентября 1823 г., соч. Рыльева, см. стр. 220.

⁴⁾ „Русск. Стар“ 1872, № 11, стр. 604.

⁵⁾ „Русск. Вѣстн.“, 1869, № 3. „Нѣсколько свѣденій о Рыльевѣ“.

къ ускоренному выпуску медиковъ, къ ускоренному производству въ офицеры и т. п.; дѣйствительно, въ отечественную войну патріотическое одушевленіе охватило съ великою силою все русское общество, весь русскій народъ, безъ различія пола и возраста; легко было бы указать не мало примѣровъ, что въ рядахъ русской арміи въ 1812 году были мальчики 15—17 лѣтъ. Можно ли при этомъ допустить, чтобы начальство 1-го корпуса задержало въ стѣнахъ заведенія 23-лѣтняго Рылѣева, обучающагося, такимъ образомъ, уже одиннадцать лѣтъ въ корпусѣ, и притомъ задерживало бы въ 1812 и 1813 гг. для того, чтобы въ 1814 г. его, уже двадцатипятилѣтняго, выпустить, наконецъ, офицеромъ? Если даже предположить, что Рылѣевъ былъ крайне неуспѣшенъ въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, то все-таки въ 1812 г. (если ему было тогда 23 года) его несомнѣнно отправили бы въ армію. Да и самъ онъ могъ ли бы, будучи въ такомъ возрастѣ и готовясь давно къ военной службѣ, оставаться въ корпусѣ, когда грянула гроза 1812 года, во время безпредѣльнаго патріотическаго одушевленія, охватившаго весь народъ? Извѣстны стихи Пушкина, обращенные имъ къ товарищамъ:

„Вы помните, текла за ратью рать;
 Со старшими мы братьями прощались
 И въ сѣнь наукъ съ досадою возвращались,
 Завидуя тому, кто умираетъ
 Шель мимо насъ“...

И въ то время, какъ тринадцатилѣтній Пушкинъ и его товарищи-сверстники были проникнуты такими чувствами, двадцатитрехлѣтній Рылѣевъ, при извѣстной пылкости своей души, могъ бы спокойно оставаться въ корпусѣ и быть два года равнодушнымъ свидѣтелемъ отчаянной борьбы со страшнымъ врагомъ? Допустить это совершенно невозможно.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ соображеній мы должны рѣшительно и окончательно откинуть сообщаемую г. Кропотовымъ корпусную помѣтку, изъ которой слѣдуетъ, будто Рылѣевъ родился въ 1789 году, и выбирать изъ трехъ остальныхъ цифръ, столь близкихъ между собою, а потому почти безразличныхъ; наиболѣе достовѣрнымъ, однако, кажется указаніе „Полярной Звѣзды“: современное самому Рылѣеву и идущее изъ компетентнаго источника, оно можетъ быть авторитетнѣе даже семейнаго преданія; что же касается до показанія оффиціального списка подсудимыхъ 1-го іюня 1826 г., то тутъ, можно сказать, мы имѣемъ не указаніе на годъ рожденія, а лишь общее опредѣленіе возраста, а при такомъ общемъ опредѣленіи небольшая

ошибка весьма возможна; къ тому же, мы не знаемъ, что собственно означено въ официальномъ спискѣ: быть можетъ, имѣлось въ виду опредѣлить возрастъ подсудимыхъ къ началу 1825 г., т.-е. возрастъ, въ какомъ дѣйствовали члены тайнаго общества большую часть 1825 года, поэтому Рылѣву и указано 29 лѣтъ (его рожденіе, по сообщенію г. Ефремова, приходилось 18-го сентября). Такимъ образомъ, по всѣмъ даннымъ, которыми мы пока располагаемъ, слѣдуетъ признать всего болѣе достовѣрнымъ показаніе Александра Бестужева: Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣвъ родился въ 1795 году.

Обращаюсь теперь къ матеріаламъ.

Въ нашемъ собраніи всего только три письма Рылѣва. Изъ нихъ самое раннее—къ матери ¹⁾ изъ-за границы, во время похода 1814 года. Рылѣвъ былъ въ началѣ 1814 года выпущенъ изъ корпуса прапорщикомъ артиллеріи и тотчасъ же отправился въ армію, бывшую за границей; какъ онъ торопился, видно изъ того, что онъ былъ выпущенъ 10-го февраля 1814 года ²⁾, а слѣдующее письмо его къ матери уже изъ Дрездена помѣчено 28 февраля того же года:

„Городъ Дрезденъ. Февраль, 28 число, 1814.

„Дражайшая матушка!

„Здѣсь нашель дядюшку Михайла Николаича, который, при семь, какъ вамъ, такъ и Петру Ѳедоровичу, Катеринѣ Ивановѣ, господамъ Прево и своей сестрицѣ кланяется. Очень, очень добрый и рѣдкій! все еще страдаетъ раною. Онъ мнѣ довольно подробно объяснилъ дѣло батюшки и очень сожалѣлъ, что я не поѣхалъ черезъ Кіевъ, ибо тамошній полиціймейстеръ, его пріятель, выдалъ (бы) мнѣ лучшія вещи. Что-жъ дѣлать? Мы этого не знали!

На что высокій чинъ, богатства,
 На что и множество крестовъ!
 Въ нихъ вовсе, вовсе нѣтъ пріятства,
 Когда душевно нездоровъ.
 Богатъ будь добрыми дѣлами,
 И будешь счастливъ навсегда.
 Не лѣзь за суетой—чинами,
 И не спотынешься никогда!

„Вашъ покорнѣйшій сынъ Кондратій Рылѣвъ.

„При семь вложено письмо въ корпусъ“.

¹⁾ Анастасья Матвѣевна Рылѣва, рожд. Эссенъ, ум. въ 1824 г.

²⁾ „Русск. Вѣстникъ“ 1869, № 3, стр. 230.

Дядюшка, котораго нашель Рылѣвъ въ Дрезденѣ, — Михаилъ Николаевичъ Рылѣвъ, — близкій родственникъ его отца. На этотъ разъ молодой Рылѣвъ, вѣроятно, недолго оставался въ Дрезденѣ, но затѣмъ въ томъ же году, въ сентябрѣ, уже возвращаясь изъ Франціи, онъ снова встрѣтился въ столицѣ Саксоніи со своимъ дядей, который былъ тогда въ Дрезденѣ комендантомъ и опять обласкалъ племянника, доставилъ ему мѣсто въ Дрезденѣ же при артиллерійскомъ магазинѣ, ссужалъ его деньгами и проч. ¹⁾ Г. Фелькнеръ, женатый на дочери М. Н. Рылѣва, передаетъ со словъ своей тещи, что К. Θ. Рылѣвъ недолго прослужилъ въ Дрезденѣ: при необычайной живости своего характера, онъ своими сатирами и эпиграммами вооружилъ многих; на него жаловались саксонскому генераль-губернатору кн. Н. Г. Репнину, а тотъ просилъ М. Н. Рылѣва удалить безпокойнаго родственника, что и было исполнено ¹⁾. Въ началѣ марта 1815 г. Рылѣвъ пишетъ матери уже изъ минской губерніи, гдѣ онъ въ то время находился при своей артиллерійской ротѣ.

Что касается до дѣлъ отца, о которыхъ говоритъ Рылѣвъ въ этомъ письмѣ, то онѣ уже извѣстны. Ѳедоръ Андреевичъ Рылѣвъ былъ главноуправляющимъ кн. С. Θ. Голицына; когда князь умеръ, вдова его, княгиня Варвара Васильевна, сдѣлала начеть на Ѳ. А. Рылѣва и предъявила къ нему крупный искъ въ 80.000 рублей; послѣ смерти Ѳ. А., случившейся въ самомъ началѣ 1814 года въ Кіевѣ, все движимое имущество его было тамъ заарестовано по этому иску. Впослѣдствіи, за смертью кн. Голицыной, сыновья ея отказались отъ этого иска, но все-таки дѣло это не было еще совсѣмъ кончено до самой смерти К. Θ. Рылѣва. Упоминаемое въ концѣ „вложенное письмо въ корпусъ“ показываетъ, что Рылѣвъ поддерживалъ переписку съ товарищами, оставшимися въ корпусѣ.

Второе письмо Рылѣва, имѣющееся въ нашемъ собраніи, относится уже къ 1823-му году. Оно адресовано имъ къ извѣстному польскому писателю и патриоту Нѣмцевичу.

Юліанъ-Урсинъ Нѣмцевичъ былъ адъютантомъ Костюшки; вмѣстѣ съ нимъ, тоже раненый, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и раздѣлялъ съ нимъ его заключеніе въ Петербургѣ. Онъ снова выступилъ на политическое поприще во время плановъ Наполеона относительно возстановленія Польши и затѣмъ одно время находился въ составѣ варшавскаго правительства при имп. Алек-

¹⁾ См. письма Рылѣва къ матери, — Соч. Рыл., стр. 231 и слѣд.

²⁾ „Русск. Старина“, 1872, № 10, 441.

сандръ І, пользуясь большимъ авторитетомъ среди патриотической польской партіи. Во время возстанія 1830 года онъ участвовалъ въ просуществовавшемъ недолго правительствѣ, стараясь воздерживать своихъ соотечественниковъ отъ рѣзкихъ крайностей, и былъ отправленъ съ порученіемъ въ Англію; во время его отсутствія пала Варшава, онъ снова сдѣлался эмигрантомъ и умеръ въ Парижѣ въ 1841 году. Нѣмцевичъ оставилъ намъ изданныя уже послѣ его смерти на французскомъ языкѣ воспоминанія о своемъ невольномъ пребываніи въ Петербургѣ. — Литературная дѣятельность Нѣмцевича началась еще въ концѣ прошлаго вѣка политическими комедіями, а затѣмъ въ 1816 г. онъ издалъ „*Spiewy Historyczne*“. Хотя эти „Историческія пѣсни“, по оцѣнѣ В. Д. Спасовича, „лишены всякой правды и таланта“, но своимъ патриотическимъ направленіемъ онѣ сильно вліяли на польскихъ читателей. Этою же своею стороною онѣ обратили на себя вниманіе Рылѣва, который до извѣстной степени подражалъ имъ въ своихъ „*Думахъ*“. Надо замѣтить, что Рылѣвъ еще въ корпусѣ хорошо изучилъ польскій языкъ. Въ предисловіи, которое Рылѣвъ помѣстилъ при отдѣльномъ изданіи своихъ „*Думъ*“, онъ въ началѣ приводитъ слова Нѣмцевича изъ предисловія его къ „Историческимъ пѣснямъ“. Кромѣ того, дума Рылѣва: „*М. Глинскій*“, представляетъ близкій переводъ одной изъ пѣсенъ Нѣмцевича. Этотъ переводъ и вызвалъ сношенія Рылѣва съ Нѣмцевичемъ. Напечатавъ свой переводъ въ 1822 году, Рылѣвъ послалъ его при письмѣ Нѣмцевичу. Этого письма у насъ нѣтъ, но въ нашихъ бумагахъ находится подлинное отвѣтное письмо Нѣмцевича, снабженное официальнымъ переводомъ, который былъ сдѣланъ въ 1826 году уже въ слѣдственномъ комитетѣ. Привожу именно этотъ официальный переводъ, съ исправленіемъ нѣкоторыхъ неточностей.

„Милостивый Государь!

„Я имѣлъ честь получить письмо ваше съ приложеннымъ отличнымъ переводомъ *Думы Глинскаго*. Честь, оказанная моимъ слабымъ рѣчамъ переводомъ оныхъ, и похвальныя выраженія ваши возбуждаютъ во мнѣ најивѣйшую благопризнательность. Лестно для меня находить въ единоплеменномъ народѣ сердца и намѣренія, которыя побѣждаютъ всѣ предубѣжденія и предразсудки, посвящаясь наукамъ и славѣ отечества. Достойные товарищи ваши и вы, милостивый государь, сами имѣете открытое поле для прославленія въ радостныхъ и поэтическихъ пѣсняхъ. Вы суть сыны обширѣйшаго на земномъ шарѣ государства;

первые въ могуществѣ и силѣ, вы можете свѣту повелѣвать, а я, житель совершенно исчезнувшаго королевства, по теченію жизни моей, встрѣтившей только огорченія и обманчивыя упованія, нахожу единственно въ протекшихъ вѣкахъ похвальныя, но нынѣ печальныя напоминанія. Послѣдуйте по мнѣ, мужи съ вознесеннымъ челомъ, на славномъ поприщѣ вашемъ, а мнѣ, сѣдому и слабому старцу, возвѣсившему на плачевной вербѣ свою лютню, остается токмо подъ сѣнью древесъ искать защиты и ожидать послѣдняго часа: счастливъ, если передъ кончиною моею узрю озареніе спокойнаго неба на человѣческое поколѣніе.

„Прошу васъ, милостиваго государя, принять паки увѣренія благодарности и высокаго уваженія, съ коими имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга—Юліанъ-Урзинъ Нѣмцевичъ.

„Данъ въ Варшавѣ 30-го октября 1822“.

На это письмо Рылѣвъ отвѣчалъ Нѣмцевичу. Онъ не рѣшался писать прямо по-польски; поэтому мы находимъ въ нашихъ бумагахъ черновое письмо по-русски и дважды переписанный польскій переводъ, сдѣланный самимъ Рылѣвымъ; кромѣ того мы имѣемъ опять оффиціальныи переводъ этого письма. Привожу его по черновому подлиннику, мало отличающемуся отъ польскаго текста.

„Прекрасныя чувства, которыми исполнено письмо ваше, живо меня тронули... Такъ, отечество ваше несчастно, оно въ наши времена имѣло и недостойныхъ сыновъ,—но безславіе ихъ не могло помрачить чести великодушнаго народа, и изъ среды онаго явились мужи, которые славою дѣлъ своихъ несравненно болѣе возвысили славу Польши, нежели первые предательствомъ своимъ оную омрачили. Такъ,—и вы не одними воспоминаніями славныхъ дѣяній, совершенныхъ въ вѣкахъ минувшихъ, можете утѣшать себя. Къ счастью всего человѣчества, добрая слава дѣлъ нашихъ зависитъ не отъ одного успѣшнаго окончанія, но также отъ источника ихъ и побужденія,—и славныя имена Костюшки, Колонтая (Малаховскаго) ¹⁾, Понятовскаго, Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ, несмотря на то, что успѣхъ не увѣнчалъ ихъ благородныя усилія, никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ, а дѣянія мужей сихъ будутъ всегда служить для юношества достойными образцами. Сѣмена добра и свѣта уже посѣяны въ отечествѣ вашемъ. Скоро со-

¹⁾ Изъ польскаго текста.

зрѣютъ прекрасные плоды ихъ. Вы были однимъ изъ ревностнѣйшихъ сѣятелей; вы во все продолженіе жизни своей, какъ Тиртей, высокими пѣснями возбуждали въ сердцахъ согражданъ любовь къ отечеству, усердіе къ общественному благу, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства. Итакъ, мужъ почтенный, утѣшьте и, снявъ лиру свою съ печальной вербы, подобно лебеди на водахъ Леандра, воспойте на закатѣ дней своихъ высокіе гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуите достойное ваше отечество“...

На этомъ кончается русскій текстъ, а въ польскомъ письмѣ идетъ еще такое заключеніе: „Прошу милостиво принять увѣренія въ высокомъ уваженіи и почитаніи, съ которымъ имѣю честь оставаться вашъ, милостивый государь, низжайшій слуга. С.-Петербургъ, января 1823“.

Въ одномъ изъ польскихъ писемъ есть еще приписка: „P. S. Отсутствіе мое изъ Петербурга причиной тому, что я такъ долго былъ лишень счастья получить ваше письмо (отъ 30-го октября) и отвѣчать на него“.

Эта переписка между Рылѣвымъ и Нѣмцевичемъ характеризуетъ русско-польскія отношенія того времени. Она важна также и для характеристики Рылѣва: хотя мы видимъ въ его письмѣ выраженіе сочувствія къ патриотизму нѣкоторыхъ польскихъ дѣятелей, но Рылѣвъ вовсе не былъ склоненъ раздѣлять крайности польскихъ взглядовъ, имѣлъ свою точку зрѣнія на вопросъ о положеніи нашихъ западныхъ окраинъ, а въ стихахъ своихъ постоянно говорилъ о притѣсненіи поляками Малороссіи. Это письмо показываетъ намъ его безпристрастіе и преданность своимъ убѣжденіямъ, которая давала ему одну мѣрку для всѣхъ. Собственно говоря, его письмо къ Нѣмцевичу, гдѣ онъ восхваляетъ Костюшку и другихъ польскихъ патриотовъ, и его „Наливайко“ или „Хмельницкій“, проникнутые ненавистью къ „ляхамъ-утѣснителямъ“, несмотря на кажущееся ихъ противорѣчіе, служатъ доказательствомъ послѣдовательности его убѣжденій...

Третье письмо Рылѣва, имѣющееся въ нашемъ распоряженіи, относится къ марту 1825 года, ко времени службы Рылѣва правителемъ дѣлъ Россійско-Американской Компаніи въ Петербургѣ. Извѣстно, какъ дѣятельно работалъ Рылѣвъ въ этой должности, извѣстно, что онъ много оказалъ услугъ Россійско-Американской Компаніи ¹⁾. Наше письмо также показываетъ его добро-

¹⁾ „Русск. Вѣстн.“ 1869, № 3, стр. 237 — 238; „Деятнадцатый Вѣкъ“, изд. П. Баргеновымъ, I, Воспоминанія кн. Оболенскаго, стр. 315.

совѣстное и безкорыстное отношеніе къ дѣлу, за которое онъ взялся. Письмо адресовано въ Москву къ какому-то другу, имя котораго остается неизвѣстнымъ.

„Исполняя твое желаніе, спѣшу увѣдомить, что общее собраніе было 18-го марта, и по обыкновенію весьма шумное и несовсѣмъ разумное. Голосистѣе прочихъ горланили братья Лобановы, исподтишка — Политковскій ¹⁾). Дѣло шло о балансъ, который по сіе время не подписанъ еще, потому что Крамеръ ²⁾) не захотѣлъ явиться для разсмотрѣнія онаго. Это рѣшено тѣмъ, чтобы упряма вызвать посредствомъ правительства. Потомъ читали извлеченія изъ депешъ Муравьевскихъ; положено изъяснить ему отъ лица общаго собранія благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его, чтобы онъ остался въ колоніяхъ еще года хоть на два ³⁾). Третье дѣло было о долгѣ Болтона и компаніи,—опредѣлено остальную сумму 6.000 р. и процентъ 20.000 взыскать съ Крамера, какъ съ директора, выдавшаго сіи деньги въ отсутствіе одного и безъ согласія другого директора. Мордвиновъ при первомъ дѣлѣ о Крамерѣ сказалъ: „когда онъ къ намъ невѣжливъ, такъ нечего и намъ падить его“. За симъ предложено было о избраніи члена совѣта, и всѣ единогласно избрали В. М. Головнина. Этому выбору я очень радъ. Знаю, что онъ упряма, любить умничать; зато онъ стоекъ передъ правительствомъ, а въ теперешнемъ положеніи компаніи это нужно. Говорятъ, что онъ за что-то меня не жалуешь, да я не слишкомъ этимъ занимаюсь: такъ—хорошо; не такъ, такъ... такъ, я и безъ компаніи молодецъ: лишь бы она цвѣла. Послѣднее дѣло было о прибавкѣ тысячи рублей къ пенсіону Зеленскаго. Большинство голосовъ опредѣлило сію прибавку сдѣлать ему. Хоть онъ по-истинѣ и не заслуживаетъ этого, но я хлопоталъ за него у нѣкоторыхъ акціонеровъ. Занявъ мѣсто этого старца, у меня что-то лежало на совѣсти, особливо, когда онъ жаловался. Теперь я покоенъ ⁴⁾). Вотъ тебѣ возможно подробный отчетъ. Спасибо за письма. Спасибо, что полюбилъ Пущина; я еще отъ этого ближе къ тебѣ. Кто любитъ Пущина, тотъ уже непремѣнно самъ рѣдкій чело-

¹⁾ Гаврило Герасимовичъ Политковскій, т.-е. сенаторъ, былъ (до 1825 г.) членомъ совѣта Росс.-Ам. Компаніи, а потомъ оставался ея акціонеромъ.

²⁾ Комм.-совѣтникъ Венедиктъ Венедиктовичъ Крамеръ до 1825 былъ членомъ совѣта и членомъ главнаго правленія Рос.-Ам. Компаніи.

³⁾ Флота капитанъ-лейтенантъ, Матвій Ивановичъ Муравьевъ, былъ главнымъ правителемъ всѣхъ колоній и портовъ Компаніи въ Америкѣ.

⁴⁾ Дѣло идетъ объ Ив. Ос. Зеленскомъ, который былъ до Рылѣва правителемъ канцеляріи Росс.-Ам. Компаніи.

вѣкъ. Селивановскій ¹⁾ пишетъ ко мнѣ то же, что онъ говорилъ тебѣ. Морской офицеръ привезъ къ Смирдину экземпляры, съ нимъ посланные, позже полученныхъ имъ съ почтою. Но тоска; пора объ этихъ дразгахъ забыть. Селивановскому буду писать я первою почтою. Проси его, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ окончательный счетъ. Зачѣмъ онъ отправилъ остальные экземпляры въ контору компаніи, кто его просилъ объ этомъ? Во-первыхъ, я удаляюсь отъ всякихъ расчетовъ денежныхъ съ компаніей; во-вторыхъ, я по сіе время не получилъ экземпляровъ и, вѣроятно, еще дней десять не получу; между тѣмъ я теряю... Опять математика! къ чорту ее... Твой другъ—К. Рылѣвъ.

„У Пуцина твой экземпляръ „Звѣзды“. Увѣдоми, будетъ ли довольна Москва“.

Иванъ Ивановичъ Пуцинъ, упоминаемый въ письмѣ, одинъ изъ декабристовъ, принадлежитъ также къ числу типическихъ лицъ Александровскаго времени. Онъ послѣ короткаго знакомства очень сблизился съ Рылѣвымъ, и его дѣятельность, какъ надворнаго судьи въ Москвѣ, можетъ быть не только сравниваема съ дѣятельностью Рылѣва, какъ засѣдателя уголовной палаты въ Петербургѣ, но и поставлена съ нею въ прямую связь, и, быть можетъ, даже объясняема вліяніемъ Рылѣва.

Рылѣвъ познакомился съ Пуцинымъ около 1823 года ²⁾. Это знакомство имѣло вліяніе на судьбу обоихъ. Рылѣвъ въ это время былъ уже извѣстенъ своими произведеніями, и Пуцинъ скоро принялъ его въ тайное общество, прямо въ члены верховной думы. Съ другой стороны, знакомство съ Рылѣвымъ не осталось безъ вліянія и на судьбу Пуцина: можно предположить, что именно подъ воздѣйствіемъ Рылѣва Пуцинъ перешелъ въ гражданскую службу.

И. И. Пуцинъ окончилъ въ 1817 г. курсъ въ царскосельскомъ лицей (перваго выпуска, товарищъ и близкій другъ Пушкина, авторъ извѣстныхъ воспоминаній о великомъ поэтѣ) и поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію, гдѣ и оставался до 1823 года. Около этого времени онъ, какъ уже сказано, познакомился съ Рылѣвымъ, а въ первой половинѣ года уже вышелъ въ отставку. Поводомъ къ оставленію Пуцинымъ военной службы было столкновеніе его съ однимъ изъ начальниковъ; а поступ-

¹⁾ Селивановскій—извѣстный московскій типографъ, у котораго въ 1825 г. напечатаны „Думы“ Рылѣва. Письмо это, писанное въ мартѣ (сверху помѣта „п. 28-го марта“, т.-е. получено),—безъ обозначенія года; такъ какъ тутъ дѣло идетъ объ изданіи „Думъ“, то письмо и относится къ 1825 году.

²⁾ „Десяти. Вѣкъ“, Бартенева, I, 312.

леніе его въ палату уголовного суда, гдѣ въ это время служилъ и Рылѣевъ, произошло, вѣроятно, не безъ вліянія послѣдняго: примѣръ Рылѣева могъ расположить его къ тому, и Пущинъ въ 1823 году, по выходѣ изъ артиллеріи, поступилъ сверхштатнымъ членомъ въ петербургскую палату уголовного суда,—какъ бы въ науку къ Рылѣеву. Въ 1824 году Пущинъ перешелъ въ Москву судьей надворнаго суда. Его безпристрастіе, какъ судьи, его ревностная дѣятельность—доставили ему, по выраженію Пушкина, всеобщее сочувствіе ¹⁾.

Рылѣевъ, собираясь жениться, вышелъ еще въ 1818 г. въ отставку изъ военной службы. Затѣмъ, послѣ свадьбы, состоявшейся лишь въ началѣ 1820 г., онъ переѣхалъ въ свое петербургское имѣніе ²⁾. Въ томъ же 1820 году онъ былъ избранъ дворянами въ засѣдатели петербургской палаты уголовного суда, гдѣ онъ и оставался на службѣ до 1824 года. Объ этой судейской службѣ Рылѣева Н. А. Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ слѣдующее: „Состраданіе къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылкая справедливость, неутомимая защита истины сдѣлали его извѣстнымъ въ столицѣ. Между простымъ народомъ имя и честность его вошли въ пословицу. Однажды, по важному подозрѣнію схваченъ былъ какой-то мѣщанинъ и представленъ бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сдѣлали ему допросъ; но какъ степень виновности могла только объясниться собственнымъ признаніемъ, то Милорадовичъ грозилъ ему всѣми наказаніями, ежели онъ не сознается. Мѣщанинъ былъ невиненъ и не хотѣлъ брать на себя напрасно преступленія. Тогда Милорадовичъ, соскуча запираательствами, объявилъ, что отдаетъ его подъ уголовный судъ, зная, какъ неохотно русскіе простолюдины вѣряются судамъ. Онъ думалъ, что этотъ человекъ отъ страха суда скажетъ ему истину; но мѣщанинъ вмѣсто того упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами благодарилъ за милость.—Какую же милость оказалъ я тебѣ?—спросилъ губернаторъ.—„Вы меня отдали подъ судъ,—отвѣчалъ мѣщанинъ,—и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ;

¹⁾ „19-е октября 1825 г.“; ср. въ Запискахъ Пущина, „Атеней“, 1859 г., № 8. См. еще разсказъ кн. Е. П. Оболенскаго въ I томѣ „Девятнадцатаго Вѣка“, стр. 312 и 313. — Даты по службѣ Пущина взяты мною изъ академическихъ мѣсяцеслововъ. Не привожу подробностей, замѣчу только, что изъ Петербурга въ Москву Пущинъ перешелъ какъ разъ около того времени, когда Рылѣевъ тоже оставилъ петербургскую уголовную палату (см. ниже).

²⁾ Сельцо Батово, петерб. уѣзда, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Рождествена, принадлежавшаго царевичу Алексѣю Петровичу. Рылѣевъ, какъ извѣстно, написалъ думу: „Царевичъ Алексѣй въ селѣ Рождественѣ“.

знаю, что буду оправданъ! Тамъ есть Рылѣвъ: онъ не дастъ погибать невиннымъ“¹⁾. — Это происшествіе болѣе всякихъ похвалъ даетъ понятіе о дѣйствіяхъ сего человѣка“.

Насколько тяжела была въ тѣ времена борьба съ лихоимствомъ и неправосудіемъ уголовной палаты, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ Рылѣва къ Булгарину въ 1821 г. изъ острогожскаго уѣзда: „Скоро долженъ я буду оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ сѣверную Пальмиру. Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что, кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительныя крющотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ...“

Когда отъ русскаго меча
 Легли монголы въ прахъ, стеная,
 Россію Богъ карать не преставаля,
 Столь многочисленный, какъ саранча,
 Приказныхъ родъ въ странахъ ея обширныхъ,
 Повсюду расселиль,
 Чтобы сердца согражданъ мирныхъ
 Онъ завсегда какъ червь точилъ“...

И Рылѣвъ нѣсколько лѣтъ выдерживалъ борьбу съ „ненасытнымъ родомъ приказныхъ“, замѣнившимъ собою монголовъ... Намъ неизвѣстны причины, побудившія Рылѣва и Пущина одновременно оставить петербургскую палату уголовного суда. Рылѣвъ вышелъ изъ засѣдателей уголовной палаты въ 1824 году (между 29-мъ ноября 1823 года и 1-мъ октябрю 1824 года) и поступилъ въ томъ же году правителемъ канцеляріи въ Россійско-Американскую Компанію, гдѣ и оставался на службѣ до самаго декабря 1825 г.²⁾ Ко времени его службы въ компаніи и от-

¹⁾ „Деятнадцатый Вѣкъ“, I, стр. 339 и 340.

²⁾ Числа о службѣ Рылѣва взяты изъ академическаго мѣсяцеслова. Въ мѣсяцесловѣ на 1821 годъ (состояніе чиновъ по 25-ое ноября 1820 г.), во II томѣ, на стр. 9: „(С.-Петербургъ). Палата уголовного суда. Засѣдатели отъ дворянства: кол. сов. О. Т. Поспѣловъ и артил. подпор. *Кондратій Фед. Рылѣвъ*“. Такимъ же образомъ мы встрѣчаемъ имя Рылѣва, какъ засѣдателя слб. уголовной палаты, въ мѣсяцесловахъ на 1822, 1823 и 1824 годъ (свѣденія по 29-ое ноября 1823 г.); затѣмъ въ (особомъ) „Прибавленіи къ первой и второй части мѣсяцеслова съ росписью чиновныхъ особъ, изданнаго на 1824 годъ, о перемѣнахъ въ чиновникахъ по 1-ое октября сего года, послѣдовавшихъ и до свѣденія Академіи Наукъ дошедшихъ“, въ прибавленіи ко II части, стр. 87: „(С.-Петербургъ). Палата уголовного суда. *На мѣсто засѣдателя Рылѣва* опредѣленъ ст. сов. и кавалеръ Кроквизіусъ“. — Далѣе, въ мѣсяцесловѣ на 1825 годъ, часть I, стр. 869: „Россійско-Американская Компанія. Совѣтъ. Правитель канцеляріи отставной арт. подпор. К. О. Рылѣвъ“ (тутъ же онъ вторично названъ какъ правитель канцеляріи Главнаго Правленія), — согласно

носится, какъ уже сказано, письмо его къ другу въ Москву, приведенное выше.

Вотъ еще небольшая записка Рылѣва къ Дельвигу:

„Потомку Тевтоновъ,—сладостно поощему на русскій ладъ и мило на ладъ древнихъ Грековъ, не поэтъ, а гражданинъ желаетъ здоровія, благоденствія и силы духа, лѣтъ поборающей! Вмѣстѣ съ симъ увѣдомляетъ онъ о полученіи 500 р., этой прозаической потребности, которая и поэта, и гражданина мучитъ только тогда, когда нечего ѣсть. *Сего* со мною не было, и потому гражданинъ Рылѣвъ не помнилъ о долгѣ поэта—Баратынскаго. 5 окт.“

Записка эта соединяетъ имена трехъ поэтовъ. Выраженіе: „не поэтъ, а гражданинъ“, относится къ слѣдующему обстоятельству. Въ посвященіи „Войнаровскаго“ А. Бестужеву Рылѣвъ именно такъ и выразился о себѣ: „я не поэтъ, а гражданинъ“. Дельвигъ очень смѣялся надъ такимъ признаніемъ, но изъ этой записки видно, что Рылѣвъ нисколько не оскорблялся насмѣшками Дельвига. Выраженіе: „не поэтъ, а гражданинъ“, даетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность опредѣлить время записки: „Войнаровскій“ вышелъ въ свѣтъ въ мартѣ 1825 года, и записка, стало быть, написана 5-го октября 1825 года.

Рылѣвъ, прежде чѣмъ приняться за самое писаніе какого-либо произведенія, очень часто составлялъ для него планъ. Пушкинъ, какъ извѣстно, тоже не былъ вполне чуждъ этому приему, но все-таки смѣялся надъ Рылѣвымъ, называлъ его „планщикомъ“ и заявлялъ, что болѣе любитъ стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ ¹⁾. Дѣйствительно, у Рылѣва написанные „планы“ часто оставались безъ исполненія. Въ нашихъ бумагахъ находится нѣсколько подобныхъ плановъ. Такъ, мы находимъ дважды въ разныхъ видахъ составленный планъ о любви какого-то казака на Кавказѣ къ плѣнной черкешенкѣ ²⁾. Изъ „Война-

списку отъ 23-го ноября 1824 г. — Въ мѣсяцесловѣ на 1826 годъ относительно Росс.-Ам. Компаніи повторены тѣ же свѣденія по списку отъ 23-го ноября 1824 г., но только Рылѣвъ совсѣмъ пропущенъ въ обоихъ случаяхъ. Рылѣвъ въ концѣ 1825 г. не успѣлъ доставить въ Академію новый списокъ.

¹⁾ „Кланяюсь планщику Рылѣву,—какъ говаривалъ покойникъ Платовъ,—но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ“. Письмо къ А. Бестужеву отъ 30-го ноября 1825 г., Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, VII, стр. 166. И далѣе вездѣ ссылки на Пушкина дѣлаются по этому изданію.

²⁾ „Смерть лезгинца на груди казака.

Разсказъ казака злодѣя: его любовь, коварство, ...любвицы. Его мученія, сонъ. Убийство... Взятіе...; плѣнная Асіата.

ровскаго“ мы знаемъ, какъ интересовался Рылѣевъ личностью Мазепы. Рылѣевъ собирался, какъ видно изъ нашихъ бумагъ, писать драму изъ жизни Мазепы; предъ нами длинный списокъ дѣйствующихъ лицъ, который можетъ быть тоже названъ планомъ, такъ какъ при нѣкоторыхъ именахъ обозначены характеры лицъ:

МАЗЕПА. Гетманъ Малороссіи. Угрюмый семидесятилѣтній старецъ. Человѣкъ властолюбивый и хитрый; великій лицемеръ, скрывающій свои злыя намѣренія подъ желаніемъ блага къ родинѣ.

ГАЛАГАНЪ. Полковникъ. Человѣкъ обыкновенный.

ЗЕЛЕНСКІЙ. Іезуитъ. Другъ Мазепы

Орликъ. Генеральный писарь. Хитрый честолюбецъ

Кочубей. Мстительный человѣкъ.

Любовь, жена его. Твердая и благородная женщина.

Матрена, дочь ихъ. Любовница Мазепы. Пылкая дѣвушка

Искра. Полтавскій полковникъ, своякъ Кочубея.

Святaylor. Духовникъ Кочубея.

Глуховець. Писарь Кочубея.

Яковлевъ. Перекрестъ.

Чуйкевичъ. Своякъ Кочубея.

} Друзья Кочубея.

Чечель. Полковникъ, преданный Мазепѣ. Отчаянная голова.

Войнаровский. Племянникъ Мазепы. Пылкій, благородный молодой человекъ.

Скоропадскій. } Преданный Петру.

Апостоль. } Полковники.

Чар...

Полувотко, молодой человекъ, пылающій любовью къ родинѣ и благу соотечественниковъ, рѣшительный козакъ. Гордый и благородный человекъ.

Вельяминовъ-Зерновъ.

Ломиковскій, генер. обозный.

А. Гамалѣя, генер. асаулъ.

К . . . , асаулъ . . . .

Коваки. Сердюки. Русскіе солдаты.

} Судьи, друзья Мазепы.

Орликъ—хитрецъ, представляющій при случаѣ Мазепу преданнымъ Россіи.

Онъ влюбляется въ Асіату. Кто она? онъ возвращаетъ ее ея брату.

Обряды; клятва и рѣшеніе его объ Асіатѣ; мужу ея угрозы. Смерть ея.

Онъ любить Асіату, но старается преодолѣть въ себѣ страсть; онъ предназначилъ себѣ славное дѣло, съ которымъ онъ долженъ погибнуть непременно, и все цѣли своей приносить въ жертву; онъ радуется до восхищенія чужою храбростью и добродѣтелью и каждымъ великодушнымъ поступкомъ трогается до слезъ, а самъ совершаетъ чудныя дѣла, вовсе того не замѣчая. Миръ для него пустъ; другъ убить, онъ отомстилъ за его смерть; жизнь для него бремя, онъ алчетъ истребиться и живетъ только для цѣли своей; онъ ненавидитъ людей, но любитъ все человѣчество, обожаетъ Россію и всѣмъ готовъ жертвовать ей; онъ презрѣлъ людей, но не разлюбилъ ихъ. Никто болѣе его не ищетъ враговъ и друзей въ горахъ.

Правы козаковъ; храбрость награждается красотою, трусость наказывается; возвращеніе изъ похода“.

Точки въ этомъ наброскѣ означаютъ неразобранное. Бумага 1824 года.

На оборотѣ листка, гдѣ находится этотъ списокъ, Рылѣвъ начиналъ-было и самый планъ драмы, но написалъ всего:

(Разговоръ Кочубея съ Искрой) ¹⁾.

„Дѣйствіе I. Мазепа начинаетъ приводить въ движеніе всѣ пружины для окончанія своего предпріятія“.

Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ еще такую программу: „Для Мазепы, кажется, ничего не было священнымъ, кромѣ цѣли, къ которой стрѣмился: ни уваженіе, оказываемое ему Петромъ, ни самыя благодѣянія, излитыя на него симъ великимъ монархомъ, ничто не могло отвратить его отъ измѣны. Хитрость въ высочайшей степени, даже самое коварство почиталъ онъ средствами, дозволенными на пути къ оной“...

Осталось еще нѣсколько программъ, весьма характерныхъ для Рылѣва и для всей эпохи:

ДУХЪ ВРЕМЕНИ

или

СУДЬБА РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

-
- I. Человѣкъ отъ дикой свободы стремится къ деспотизму; невѣжество причиною тому.
    1. Первобытное состояніе людей. Дикая свобода.
    2. Покушенія деспотизма. Раздѣленіе политики, нравственности и религіи.
    3. Греція. Свобода гражданская, философы, цари.
    4. Римъ. Его владычество. Свобода въ немъ. Цезарь. Духъ времени.
    5. Римъ поработенный.
    6. Христось.
  - II. Человѣкъ отъ деспотизма стремится къ свободѣ; причиною тому просвѣщеніе.
    1. Гоненія на христіанъ распространяють христіанство. Распри ихъ.
    2. Феодальная система и крестовые походы. Духъ времени.
    3. Лютеръ, свободомысліе въ религіи. Духъ времени.
    4. Французская революція. Свободомысліе въ политикѣ.
    5. Наполеонъ. Сверженіе его. Духъ времени.
    6. Борьба народовъ.. Начало соединенія религіи, нравственности и политики.

¹⁾ Скобки обозначаютъ зачеркнутое.

Туть же программа другого рода:

ПРОМЕТЕЙ.

1. Юпитерь. Сверженіе Сатурна. Прометей обмануть.
2. Прометей возмущаетъ Титановъ. Они побѣждены.
3. Прометей, прикованный къ Кавказу. Смерть его.

Или еще:

Промыслъ. Духъ времени. Геній Греціи. Геній Рима. Геній Россіи. Геній Германіи. Геній Франціи. Геній Британіи. Геній Америки. Геній Азіи. Геній Африки. Геній Европы. Врагъ человѣческій. Духи зла.

Туть же такая историческая программа:

СУДЬБА РОССИИ.

1. Распри въ Новгородѣ: Рюрикъ.
2. Владимірь. Введеніе христіанства. Удѣлы.
3. Нашествіе Батгя.
4. Иоаннь III. Уничтоженіе удѣловъ.
5. Петръ Великій.
6. Вѣвъ Александра.

Очень возможно, что часть этихъ программъ предназначалась для прозаическихъ статей, напр. послѣдняя изъ нихъ — Судьба Россіи. Первая, „Духъ временъ“, была, кажется, тоже рассчитана на прозаическое изложеніе. У насъ есть нѣсколько прозаическихъ отрывковъ, имѣющихъ отношеніе къ этой программѣ. Слогъ въ нихъ, впрочемъ, таковъ, что они могутъ представлять собою лишь болѣе подробно развитую программу. Кажется, къ началу II части программы относится слѣдующій отрывокъ: „Прежде нравственность была опорой свободы; теперь должно ею быть просвѣщеніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ родъ человѣческій снова должно привести къ нравственности. Прежде она была врожденна, человѣкъ былъ добръ по природѣ; съ просвѣщеніемъ онъ будетъ добръ и добродѣтеленъ по знанію, по увѣренности, что быть таковымъ для его блага необходимо“.

Вотъ отрывокъ, относящійся къ 5 пункту II части, — о Наполеонѣ:

„Тебѣ всѣ средства были равны—лишь бы они вели прямо къ цѣли; каковаго бы цвѣта волны ни были . . . . . ¹⁾, лишь потокъ достигалъ. . . . . ²⁾ цѣли. Добродѣтели и пороки, добро и зло въ твоихъ глазахъ не имѣли другого различія, какое имѣютъ между собою цвѣта: каждый хорошъ, когда. . . . . ³⁾. Ты старался

^{1) 2) 3)} Не разобрано.

быть превыше добродѣтелей и пороковъ: они для (тебя) были разноцвѣтныя тучи, посящіяся около Кавказа, который, недосыгаемымъ челомъ своимъ прорѣзывая ихъ, касается неба дѣвственными вершинами.

„Твое могущество захватило всѣ власти и пробудило народы. Цари, уничтоженные тобою, возстали и при помощи народовъ низвергли тебя. Ты палъ — но самовластіе съ тобою не пало. Оно стало еще тягостнѣе, потому что досталось въ удѣлъ *многимъ*“...

Отрывокъ этотъ написанъ на бумагѣ съ клеймомъ 1818 года.

Слѣдующій набросокъ тоже говорить о духѣ времени:

„Человѣкъ святъ, когда согласуетъ поступки свои съ дѣлами Промысла.

„Человѣчество не имѣетъ свободы воли.

„Усовершеніе есть цѣль, къ которой стремится оно по предназначенію Промысла; исторія всѣхъ народовъ служить тому неопровержимымъ доказательствомъ. Никакія усилія Омаровъ не въ состояніи остановить его на семъ пути; высокія истины, обнаруженныя однажды мудрецами, безсмертны; это такія монеты, штемпель которыхъ отъ времени не изглаживается, но, напротивъ, еще дѣлается явственнѣе. Вотъ почему ни одна истина древнихъ мудрецовъ не пропала для насъ.

„Человѣкъ въ частности одаренъ свободою воли; онъ властенъ дѣлать или не дѣлать то, что внушаютъ ему страсти или разсудокъ; но его дѣянія худы или хороши только въ отношеніи къ нему; на судьбу же всего человѣчества они не имѣютъ никакого вліянія, особенно когда они не согласовались съ видами Промысла. Противорѣчія намѣреній съ послѣдствіями дѣяній человѣческихъ яснымъ служатъ тому доказательствомъ. Брутъ, желая спасти міръ отъ деспотизма, убилъ Цезаря. Дѣяніе это не имѣло вліянія на судьбу человѣчества, ибо не было согласно съ видами Промысла. Такимъ образомъ, принявъ за. . . . ¹⁾ истину, что человѣкъ въ частности свободенъ, а человѣчество нѣтъ, можно и должно будетъ поставить нравственнымъ закономъ для нашихъ дѣяній: поступаай такъ, чтобы твои поступки не противорѣчили волѣ Промысла. Но спросятъ: какимъ образомъ распознать волю сію? Воля Промысла изъясняется въ духѣ времени“.

Въ другомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ еще такую историческую программу:

Дворъ Екатерины: Потемкинъ, Зубовъ, Орловы, Ланской и между Суворовъ, Румянцовъ, Дидеротъ, Панинъ, Державинъ, Павелъ съ причетомъ Гат-

¹⁾ Не разобрано.

чинскимъ. Лагарпъ, Александръ, Екатерина—наставница его. Сегюръ, Кобенцель. Делиль. Иосифъ. Таврида. Петербургъ. Москва. Царское Село. Гатчино. Революція во Франціи. Покушенія шведовъ. Польша. Праздникъ Потемкина. Запорожцы, Головатой, и проч.

Кромѣ того, на отдѣльномъ листѣ находимъ замѣтки о переселеніи казаковъ въ слободскую Украину ¹⁾.

Хотя Рылѣвъ былъ старше Пушкина годами, но, выступивъ на литературное поприще позднѣе, когда за Пушкинымъ уже было первенство, когда началось уже сильное вліяніе Пушкинской поэзіи, Пушкинскаго языка, Рылѣвъ, конечно, не могъ не подчиниться до извѣстной степени этому вліянію. Рылѣва, какъ и другихъ поэтовъ, сверстниковъ Пушкина, надо цѣнить, принимая во вниманіе ихъ отношеніе къ Пушкину, не сравнивая, конечно, ихъ произведеній съ твореніями великаго поэта, а лишь опредѣляя степень и характеръ ихъ зависимости. Относительно Рылѣва, это сопоставленіе гораздо выгоднѣе для него, чѣмъ для многихъ другихъ поэтовъ того времени.

Рылѣвъ подчинился Пушкину, былъ его послѣдователемъ и ученикомъ какъ разъ въ томъ, въ чемъ это подчиненіе и послѣдованіе было обязательно, необходимо. Рылѣвъ не повторялъ темъ Пушкина, не заимствовалъ у него образовъ, не подражалъ его приемамъ. Главная зависимость Рылѣва отъ Пушкина — въ *языкѣ*; въ формѣ и въ содержаніи, въ мотивахъ своей поэзіи Рылѣвъ представляется поэтомъ самостоятельнымъ; даже взявъ иногда общую тему, нерѣдко встрѣчающуюся и у Пушкина, онъ умѣетъ сохранить свою полную самостоятельность.

Рылѣвъ, какъ видно изъ его писемъ къ Пушкину, преклонялся передъ великимъ поэтомъ; онъ называетъ его гениемъ, чудотворцемъ, сиреной, онъ восхищается его новыми произведеніями и т. д. Но, несмотря на все чарующее обаяніе Пушкин-

¹⁾ „Первое переселеніе козаковъ въ Рыбинскъ (слободскіе полки) случилось при Богд. Хмельницкомъ изъ Кіевскаго, Вѣлоцерковскаго, Переяславскаго полковъ, по неудовольствію на гетмана.

Второе—при немъ же изъ пограничныхъ съ Польшею мѣстъ, . . . изъ жившихъ околицами и куренями около рѣкъ Стыри, Слуня, Припети и Сожи. Они съѣли у Донца и составили Изюмскій полкъ.

Третье—при немъ же: разоренные жители разныхъ мѣстъ Малороссіи при нашествіи Четвертинскаго; они поселились при р. Сулѣ, Псіолу и Ворсклѣ; изъ (нихъ) составились Сумской, Ахтырской и Харьковскій полки. Они впоследствии умножились и другими малороссійскими выходцами.

Четвертое—во время нашествія турокъ на Заднѣпровіе, многіе, Дорошенко..“

ской поэзіи, подѣ какимъ находился Рылѣевъ, онѣ ясно опредѣлялъ отношенія между своей поэтической дѣятельностью и гениемъ Пушкина; онѣ прямо говорилъ Пушкину: „ты всегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ“¹⁾. Вліяніе Пушкина на языкъ Рылѣева дѣйствительно является особенно характерною чертой въ поэзіи Рылѣева. Самъ Пушкинѣ такъ же понималъ свое вліяніе на Рылѣева: „очень знаю,—писалъ онѣ А. Бестужеву, — что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онѣ идетъ своей дорогой“.

Вообще въ письмахъ Пушкина мы находимъ много любопытныхъ отзыовъ о поэзіи Рылѣева. Какъ извѣстно, значительную долю произведеній Рылѣева составляютъ его „Думы“. Пушкинѣ былъ невысокаго мнѣнія объ этихъ „Думахъ“. Онѣ смѣялся, говоря, что по-русски слово: „думы“ ничего не значитъ, что оно происходитъ не отъ польскаго слова, а отъ нѣмецкаго — *dummen*²⁾. Пушкинѣ не одобрялъ ихъ однообразнаго характера, ихъ искусственной, по его мнѣнію, морали, и писалъ Жуковскому: „Думы Рылѣева и цѣляютъ, да все не впадаютъ“³⁾. Самому Рылѣеву Пушкинѣ далъ такой отзывъ о его Думахъ: „Что сказать тебѣ о „Думахъ“? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы *Петра въ Острогжскѣ* чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинѣ покрое, составлены изъ общихъ мѣстъ (*loci topici*): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и правоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина — первую думу, по которой началъ я подозревать въ тебѣ истинный талантъ)“⁴⁾.

Гораздо выше цѣнилъ Пушкинѣ поэмы Рылѣева. Когда въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 года былъ напечатанъ отрывокъ изъ „Войнаровскаго“, Пушкинѣ писалъ брату: „съ Рылѣевымъ мирюсь: Войнаровскій полонъ жизни“. Въ письмѣ Пушкина къ Бестужеву, тоже въ началѣ 1824 года, мы читаемъ: „Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его „Думъ“: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ“⁵⁾. Въ слѣдующемъ году Пушкинѣ опять пишетъ брату: „Войнаровскій мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно,

¹⁾ Соч. Рылѣева, стр. 208; письмо отъ 20-го марта, 1825 г.

²⁾ Письмо къ брату, 1823 г. 30 янв.; письмо къ Вяземскому, 1825, 25 мая. Соч. Пушкина, VII, 48 и 129.

³⁾ (Май—іюнь) 1825 г., Сочин., VII, 131.

⁴⁾ 1825 г. (конецъ апрѣля); Сочин., VII, 126.

⁵⁾ VI, 69, 71; 1824, январь.

что его здѣсь нѣтъ у меня“. Вяземскому онъ писалъ: Поэма „Чернецъ“ (Козлова) „полна чувства и умѣе „Войнаровскаго“, но въ Рылѣевѣ есть больше замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ“¹⁾.

Когда Рылѣевымъ былъ напечатанъ отрывокъ изъ его поэмы „Богданъ Хмельницкій“, „Палѣй“, Пушкинъ писалъ брату: „Если Палѣй пойдетъ, какъ начать, Рылѣевъ будетъ министромъ“ (на Парнасѣ)²⁾. Отрывокъ изъ „Наливайка“ понравился Пушкину менѣе. Онъ писалъ Рылѣеву: „объ Исповѣди Наливайки скажу, что мудрепо что-нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ; но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать“³⁾.

Въ одномъ изъ писемъ Пушкина къ А. Бестужеву встрѣчаемъ такой общій отзывъ о поэзіи Рылѣева: „Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его „Думахъ“ я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ; но онъ идетъ своею дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаясь его не на шутку и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай; да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ „Войнаровскаго“ и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!“⁴⁾.

Кн. П. А. Вяземскій вѣрнѣе оцѣнилъ „Думы“ Рылѣева, чѣмъ Пушкинъ. Вотъ отрывокъ изъ неизданнаго письма Вяземскаго къ А. Бестужеву и Рылѣеву; — онъ благодаритъ ихъ за присылку „Полярной Звѣзды“ и, между прочимъ, пишетъ: „Съ живымъ удовольствіемъ читаю я *думы*, которыя постоянно обращали на себя и прежде мое вниманіе. Онѣ носятъ на себѣ печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлыхъ и *одноличныхъ* или часто *безличныхъ* стихотвореній нашихъ. Чтò и въ хорошихъ стихахъ, когда нѣтъ въ нихъ особеннаго характера? Стройные, но несвязные, но ничего не выражающіе аккорды въ поэзіи хороши въ ребячествѣ. Въ зрѣлости лѣтъ нужна цѣль, нужно намѣреніе“.

Всѣ стихотворенія Рылѣева, за весьма немногими исключеніями, дѣйствительно всѣ проникнуты „намѣреніемъ“, написаны „съ цѣлью“. Ошибкою было бы, однако, причислять Рылѣева къ разряду такихъ тенденціозныхъ поэтовъ, какихъ потомъ не

¹⁾ VII, 121, 129; 1825, апрѣль и май.

²⁾ VII, 111; 1825 г., февраль.

³⁾ VII, 127; 1825, апрѣль.

⁴⁾ 1825, январь 21, VII, 117.

мало было въ русской литературѣ. Въ поэзіи Рылѣва звучить не тенденція, а глубокое искреннее убѣжденіе. Рылѣвъ до того былъ проникнутъ любовью къ родинѣ, что его поэзія всегда бывала только искреннею выразительницею глубокихъ убѣжденій поэта. Не придуманная, искусственно выдвинутая тенденція, а убѣжденное чувство характеризуетъ его поэзію.

Съ Пушкинымъ можно согласиться вполне въ извѣстной части его художественной оцѣнки „Думъ“ Рылѣва. Многія изъ нихъ не отличаются ни интересомъ замысла, ни живостью изложенія, ни силою образовъ; онѣ, дѣйствительно, очень однообразны по плану; но всѣ онѣ, особенно взятая въ цѣломъ, проникнуты такою искренностью и такимъ гуманнымъ чувствомъ, которыя не могутъ не вліять на читателя и придаютъ имъ силу и общую цѣлостность, вліяющую и на художественное впечатлѣніе.

Самъ Рылѣвъ свое посвященіе къ „Войнаровскому“ закончилъ такимъ признаніемъ, такой оцѣнкой своихъ стиховъ:

Ты не увидишь въ нихъ *искусства*,
За то найдешь живыя чувства:
Я не поэтъ, а гражданинъ.

Общій характеръ и значеніе поэзіи Рылѣва хорошо представлены самимъ поэтомъ въ слѣдующихъ строкахъ ¹⁾.

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ всегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ!

Мы видѣли выше, что въ письмѣ Рылѣва къ матери, написанномъ въ началѣ 1814 г., встрѣчается его стихотвореніе. Но у насъ есть раннее его произведеніе: „Кулакіяда“, поэма въ двухъ пѣсняхъ. Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, бывшемъ шляхетномъ, издавна утвердились литературные вкусы среди воспитанниковъ, изъ которыхъ вышли Сумароковъ, Херасковъ, Озеровъ. „Кулакіяда“ (всего 19 строфъ, 156 стиховъ) написана Рылѣвымъ еще въ корпусѣ; въ ней разсказывается о смерти и похоронахъ

¹⁾ Соч. 164.

главнаго повара въ корпусѣ, Кулакова. По своему содержанію поэма эта совершенно нелюбопытна, по стиху (не всегда соблюдень даже размѣръ), по слогу она очень слаба и представляетъ вообще интересъ только какъ первая проба пера поэта. Вотъ первая строфа:

Шуми, греми, невзвучна лира
 Еще неопытна пѣвица,
 Да возглашу въ предѣлы міра
 Кончину пироговъ творца,
 Да возвѣщу я плачь ужасный
 Трехъ тафелей, всѣхъ поваровъ.
 Друзья! ужъ Кулаковъ несчастный
 Не суетится средь котловъ,
 Ужъ гласъ его не раздастся
 Въ обѣихъ кухняхъ здѣсь,
 Отъ онаго ужъ не мятется
 Соборъ его команды весь.

Г. Д. Кропотовъ ¹⁾ рассказываетъ, какъ Рылѣевъ подшутилъ надъ экономомъ корпуса, А. П. Бобровымъ. Бобровъ ежедневно подавалъ директору корпуса рапортъ о количествѣ и цѣнности припасовъ, отпущенныхъ на кухню; Рылѣевъ переписалъ „Кулакиаду“ на такомъ листѣ, на какомъ писался кухонный рапортъ, и подсунулъ свою поэму Боброву, который такъ и подалъ ее директору вмѣсто рапорта. Надо замѣтить, что въ поэмѣ дѣйствуетъ самъ Бобровъ, и изображается его горестъ по случаю смерти Кулакова:

И ахъ! наперсника лишенный
 Восплакалъ, возрыдалъ Бобровъ;
 Такой потерей огорченный,
 Онъ перебилъ всѣхъ поваровъ.

Къ раннимъ сравнительно произведеніямъ (но все-таки уже къ петербургскому, вѣроятно, періоду) надо отнести еще: „Путь къ счастью“, — сатира, сочиненная на польскомъ языкѣ О. В. Булгаринимъ, съ польскаго К. Р—въ“. Извѣстно, что Булгаринъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ былъ хорошо принятъ въ литературныхъ кружкахъ и былъ друженъ съ Грибоѣдовымъ; онъ былъ близокъ и съ Рылѣевымъ, съ которымъ, впрочемъ, у него были крупныя недоразумѣнія, какъ видно изъ характерной для обоихъ переписки, напечатанной при сочиненіяхъ Рылѣева. „Путь къ счастью“ переведенъ гладкими стихами и читается очень легко:

¹⁾ „Русск. Вѣстникъ“, 1869, № 3, стр. 233.

ПУТЬ КЪ ЩАСТІЮ.

САТИРА.

РАЗГОВОРЫ ПОЭТА СЪ БОГАЧОМЪ—СТАРИННЫМЪ ЕГО ЗНАКОМЫМЪ.

Поэтъ.

Придумать не могу, какой достигь дорогой
 Въ храмъ избилія пріятель мой убогой?
 Давно ли ты бродилъ пѣшкомъ по мостовой,
 Едва не въ рубищѣ съ понишею головою?
 Тогда ты не имѣлъ нерѣдко даже пищи,
 Былъ худъ, какъ труженикъ или послѣдній нищій!
 Теперь защеголялъ въ одеждахъ дорогихъ;
 Въ каретѣ щегольской, на четвернѣ гвѣдыхъ
 Летишь, какъ вихрь, и, пылъ взвивая за собою,
 Знакомымъ съ важностью киваешь головою!
 Сіяя роскошью владѣтельныхъ князей,
 Твой домъ есть сборище отличнѣйшихъ людей.
 Съ тобою въ дружествѣ министры, генералы,
 Ты часто имъ даешь и завтраки и балы;
 Что прихоть съ поваромъ лишь избрѣсть могла,
 Все въ дань со всѣхъ сторонъ для твоего стола...
 Межъ тѣмъ товарищъ твой, служитель вѣрный Феба,
 И въ прозѣ, и въ стихахъ бесплодно просить хлѣба.
 Всю жизнь въ ученіи съ дней юныхъ проведя,
 Жить съ щастіемъ въ ладу не научился я.
 Какъ ты достигь сего, скажи мнѣ ради Бога?

Богачъ.

Умѣть на свѣтѣ жить—одна къ тому дорога!
 И тотъ, любезный другъ, бывалъ уже на ней,
 Кто пользу извлекалъ изъ глупости людей;
 Чьи главны свойства—лесть, уклончивость, терпѣнье,
 И къ добродѣтели холодное презрѣнье...
 Самъ скажешь ты со мной, узнавъ короче свѣтъ:
 Для смертныхъ къ щастію пути другого нѣтъ!

Поэтъ.

Хотя, съ младенчества внимая гласу чести,
 Душъ мелкихъ ремесло я видѣлъ въ низькой лести,
 Но, угнетаемый жестокою судьбой,
 И я къ ней прибѣгалъ съ растерзанной душой;
 И я въ стихахъ назвалъ того Катонномъ,
 Кто пресмыкается какъ низкій рабъ предъ трономъ!
 И я Невѣждину, за то что онъ богатъ,

Сказаль, не покраснѣвъ: ты русскій Меценатъ!
 И если трепетать душа твоя привыкла
 Въ восторгѣ пламенномъ при имени Перикла,
 То подивись! Я такъ забылся, наконецъ,
 Что просвѣщенья врагъ, невѣжда и глупецъ,
 И, словомъ, жалкій Клитъ, равно повсюду славный,
 Госпѣть былъ, какъ Периклъ, на лирѣ своенравной!
 И всякъ, кто только былъ богатъ иль знаменитъ,
 У бѣднаго пѣвца былъ Цесарь, Брутъ иль Титъ!
 И что-жь? достигъ ли я чрезъ то желанной цѣли?
 Увы! я и теперь, какъ видишь, безъ шинели:
 И столь хвалимое тобою ремесло
 Одно презрѣнiе и стыдъ мнѣ принесло!
 Что-жь до терпѣнiя... его, скажу неложно,
 Такъ много у меня, что подѣлиться можно.
 Ко благу нашему, любезный другъ, оно
 Въ удѣлъ писателямъ отъ неба суждено.
 Ахъ! Кто бы могъ безъ сей Всевышняго помощи
 Снести цензуры судъ привязчивый и строгій,
 Холодность публики и колкость эпиграммъ,
 Злость критикъ, что даютъ тревожный толкъ словамъ,
 И дерзкихъ крикуновъ недѣльное сужденье,
 И слетни мелкихъ душъ, и зависти шипѣнья,
 И площадную брань помѣсячныхъ вралей,
 И грозный приговоръ въ кругу невѣждъ-судей,
 И, наконецъ, гнѣвъ тѣхъ, которые готовы
 На разумъ положить протекшихъ лѣтъ оковы!
 И, словомъ, всюду я, куда ни посмотрю,
 Лишь неприятности и безпокойства зрю,
 Съ терпѣньемъ все сношу, урѣтъ плоды въ надеждѣ,
 Но остаюсь безъ нихъ, какъ и теперь, и прежде.

Б о г а ч ь .

По правиламъ твоимъ, давая ходъ дѣламъ,
 Нельзя успѣха ждать и зрѣть плоды трудамъ.
 Искусно должно льстить, чтобъ быть льстецомъ прiятнымъ;
 Къ чему приписывалъ ты добродѣтель знатнымъ,
 Коль ни ея въ нихъ нѣтъ, ни побужденья къ ней!
 Какъ въ зеркалѣ себя мы зримъ въ душѣ своей,
 И мнимыхъ свойствъ хвала вельможъ не восхищаетъ,
 Но чаще ихъ краснѣтъ къ досадѣ заставляеть.
 Не въ дружбѣ жить съ тобой ты симъ принудишь ихъ,
 Но бѣгать отъ тебя и отъ похвалъ твоихъ.
 Когда же думаешь опять за лиру взятыся,
 То помни, что всегда долгъ первый твой—стараться
 Не добродѣтели въ вельможахъ выхвалять,
 Но слабостямъ умѣть искусно потакать;
 Грабителя тверди, что наживаться въ модѣ,
 Скажи, что все живетъ добычею въ природѣ;

Красы увядшей видь уныніемъ зови,
 Кокетку старую—царицею любви;
 Кто-жь снѣголюбія почти погибъ въ пучинѣ,
 Тому изобрази въ прелестнѣйшей картинѣ
 Всѣ ласки нѣжныя прелестницъ записныхъ.
 И ихъ объятія, и поцѣлуи ихъ,
 И чувства пылкія, и нѣгу сладострастья,
 Прибавь, что только въ немъ искать намъ должно счастья;
 Невѣждамъ повторяй, что просвѣщенье вредъ,
 Что завсегда оно причиной было бѣдъ,
 Что наши праотцы, хотъ книгъ и не любили,
 Но чуть не во стократъ счастливѣй внуковъ жили;
 Творца галиматы зови красой пѣвцовъ,
 Дивись высокому въ бессмыслицѣ стиховъ...
 Но чтобъ безъ бѣдъ пройти по скользкой сей дорогѣ,
 Подъ-часъ будь глухъ и нѣмъ, и забывай о Богѣ;
 У знатныхъ баръ шути и забавляй собой,
 Въ день другомъ будь для нихъ, а въ сумерки слугой:
 Скрывъ самолюбіе подъ маской униженія,
 Съ терпѣніемъ внимай гласъ гнѣва и презрѣнія,
 И если вытерпишь и болѣ что-нибудь,
 Смолчи, припомнивши, что это къ счастью путь.
 Располагаясь такъ, ты будешь всѣмъ пріятель,
 И такъ богатъ, какъ я, и точно такъ же знатенъ...

П о э т ъ.

Нѣтъ, нѣтъ! не уступлю за благо жизни сей
 Ни добродѣтели, ни совѣсти моей!
 Не заслужу того, чтобы писатель юный,
 Бросающій въ порокъ со струнъ своихъ перуны,
 Живыми красками, въ разительныхъ чертахъ,
 Меня изобразилъ и выставилъ въ стихахъ..
 Судьбой враждующей невольно увлеченный ¹⁾,
 Могъ уклониться я отъ истины священной,
 Но, шествуя льстецовъ презрѣнною стезей,
 Я мученикомъ былъ, гнушаясь самъ собой;
 Съ душою пылкою, младый питомецъ Музы
 Влечить поворныя недолго можетъ узы..
 И я, по прежнему ставъ истины жрецомъ,
 Далъ клятву никогда не быть впередъ льстецомъ.
 Когда путь къ счастью столь низокъ въ жизни сей,
 Такъ пусть останусь я при бѣдности моей,
 Пусть буду цѣлый вѣкъ скитаться безъ шинели
 Въ осенніе дожди, и въ зимнія мятели;
 Мнѣ лютость непогодъ поможетъ перенести
 Мое сокровище единственное—честь!..

¹⁾ Последующія слова Поэта написаны отдѣльно, но, кажется, относятся къ этому мѣсту.

Б о г а ч ъ .

Такъ думая, мой другъ, ты въ нищетѣ, конечно,
 При провѣ и стихахъ останешься навѣчно!
 Но было семь... прощай! Сенаторъ графъ Глушонтъ
 Просилъ меня къ себѣ пріѣхать на бостонъ!

Въ нашемъ собраніи мало черновыхъ, относящихся къ „Ду-
 мамъ“. На одномъ изорванномъ полулистѣ въ безпорядкѣ написаны
 нѣкоторыя строфы изъ думы „Вадимъ“ (Соч. Рылѣва, стр. 31).
 Тутъ находимъ еще такое описаніе Вадима:

Страсти пылкія рисуются
 На челѣ его младомъ;
 Перси юныя волнуются
 И глаза блестятъ огнемъ.

Слова Вадима продолжаются такъ:

Грозенъ князь самовластительный!
 Но наступитъ мракъ ночной;
 И настанетъ часъ рѣшительный,
 Часъ для гражданъ роковой...

Есть еще такой отрывокъ:

На гордой крутизнѣ береговъ
 Стоитъ во мракѣ холмъ Олеговъ;
 Подъ Кіевомъ вокругъ костровъ
 Пируютъ шайки печенеговъ.
 Ограда имъ—гроза набѣговъ,
 Имъ наслажденіе—война;
 На лицахъ варваровъ видна
 Печать свирѣпыхъ, дикихъ нравовъ.
 Среди вождей передъ костромъ
 Ихъ князь сидитъ на пнѣ сѣдомъ,
 И буйную толпу кругомъ
 Обходитъ черепъ Святославовъ
 Съ заморскимъ пѣнистымъ виномъ...

Быть можетъ, къ какой-нибудь думѣ относится и слѣдующій
 набросокъ:

Не тучи на небѣ сдвигались,
 Не дождь шумѣлъ изъ облаковъ:
 Въ степи съ татарами слетались
 Дружины буйныхъ козаковъ.
 Ихъ кони страшно землю роютъ,
 Несутся бурно, чуя бой,
 Поля притоптанныя воютъ,
 Клубится пыль, какъ дымъ густой.

Затѣмъ мы встрѣчаетъ черновую думу, посвященную Державину и составленную совсѣмъ иначе, чѣмъ печатная дума „Державинъ“. Въ послѣдней, какъ извѣстно, молодой пѣвецъ видитъ надгробный памятникъ Державина и вспоминаетъ о немъ; въ этой черновой думѣ, недодѣланной и не всегда разборчивой, представляется самъ Державинъ еще молодымъ солдатомъ преображенскаго полка.

По небу голубому
 Плыль мѣсяцъ молодой;
 По валу крѣпостному
 Вдоль ходить часовой.
 Вокругъ мгновенный трепеть
 И шелестъ парусовъ,
 Невы невнятный лепеть,
 И крики рыбаковъ...

Шумить рѣка, но война
 Не слышитъ плеску волнъ
 И бродитъ неспокоенъ,
 Сердечной думы полтъ.
 Кипятъ въ немъ и роятся
 Высокія мечты
 И вылетитъ стремятся
 Какъ будто изъ тюрьмы.

Лучъ мѣсяца играетъ
 На трепетныхъ струяхъ,
 Огонь души пылаетъ
 У вонна въ очахъ.
 Съ волненьемъ обмчайнымъ
 Отрадою дыша,
 Томится чѣмъ-то тайнымъ
 (Высокая) (гигантская) душа

Безмолвіе въ уриродѣ,
 Но въ немъ волнуется кровь
 И къ правдѣ, и къ свободѣ
 Священная любовь.

Свое предвѣщенное
 Узнавъ въ тиши ночной, —
 „(Настало) вдохновенье!“
 Рекъ воинъ молодой.

Кто-жъ былъ сей (несравненный),
 Сей дивный часовой?
 Пѣвецъ нашъ вдохновенный,
 Державинъ молодой!

Точками обозначены вѣроятные пропуски.

В. Якушкинъ.

ВЪСНУКЪ СЕРДЦА

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮДИ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-я.

НОЯБРЬ, 1888.

ПЕТЕРБУРГЪ.